

Елена Шастина

Последняя из могикиан?..

– Вы, однако, в землю три метра видите?

– Мы худо не делаем, только сказки сказываем.

(Из диалога со сказочницами Н. О. Винокуровой, М. Д. Пермяковой, З. Е. Пермяковой).

В 1925 г. Восточно-Сибирским отделом Русского Географического общества были выпущены «Сказки Верхнеленского края». Книгу составил замечательный исследователь фольклора Сибири М. К. Азадовский.

Ещё раньше, в 1915 г., учёный был командирован в верхнеленские села для выяснения состояния в них фольклорной традиции среди русского старожильского населения. Было крайне необходимо проверить выводы, сделанные некоторыми этнографами-путешественниками и собирателями сибирского устно-поэтического творчества¹.

Нужно сказать, что интерес к поэтическому облику сибиряков был частью того общего интереса к Сибири, который начался ещё в середине прошлого столетия в связи с первыми ссылками и путешествиями. Интерес этот, естественно, сопровождался пристальными наблюдениями за бытом крестьян, составлявших подавляющее большинство русского населения Сибири².

Имеются чрезвычайно любопытные, хотя и не всегда верные и объективные мемуары, записки и художественные произведения о сибирской деревне того времени. Сведения путешественников о русском населении Сибири тех лет порой страдают отобобщённостью от частного, неумением или нежеланием их разглядеть ничего положительного, привлекательного в сибирском крестьянине.

По мнению, например, писателя С. Я. Елпатьевского, царство сибирского леса стесняет мысли человека, не даёт им простору: «Не поётся песня, не думается дума, не мечтается мечта. Глохнут старые песни, старые легенды, тухнут старые воспоминания, глохнет даже голос»³.

Такие мысли, как выражение официального взгляда, можно встретить и в капитальном исследовании 1914 года, первом томе «Азиатской России», где говорится о том, что сибиряк-старожил – это «особый тип», совершенно отличный от великорусского. Он характеризуется грубостью нравов, появившихся от продолжительного сидения в лесах, и дикостью, унаследованной от инородцев. Кроме того, богатства сибирского края развили в нем жадность, страсть к наживе, оторванность от культурного мира сделала его не чувствительным к пению, музыке и вообще искусству»⁴.

Отрицание какой бы то ни было поэтичности сибиряков, утверждение неспособности сибирского крестьянина к созданию произведений фольклора было широко распространено особенно среди так называемых областников и их последователей. Его неоднократно высказывали писатели и исследователь Сибири Н. Я. Ядринцев и беллетристы Н. М. Астырев, И. П. Белоконский, даже демократ-разночинец И. Г. Пыжов.

И уж совсем некстати ленский уроженец публицист А. П. Щапов писал об «утрате» своими земляками не только «всяких песен и преданий», но даже «способности к поэтическому воодушевлению».

Вот эти-то вызывающие недоумение выводы и нуждались в проверке живыми полевыми наблюдениями.

Результат поездки М. К. Азадовского превзошёл все ожидания. Именно в тех местах, где А. П. Щапов не увидел «даже способности к поэтическому воодушевлению», учёный встретил «великолепно сохранившуюся обрядовую поэзию», установил «следы эпической традиции ещё в сравнительно-недавнем прошлом» и, наконец, обнаружил «мощные залежи сказочного богатства»⁵. Тогда же М. К. Азадовский встретил и замечательную сказочницу

Н. О. Винокурову (1860–1930). Собственно, её сказки и вошли в известный сборник «Сказки Верхнеленского края».

Это было давно, в начале столетия. Но винокуровская сказочная традиция оказалась удивительно живучей. И теперь, более полувека спустя, мы снова можем говорить о ней, как о факте современного устно-поэтического народного творчества.

К народной сказке причастна почти вся большая родня Винокуровых, расселившихся в сёлах и речке Куленге – левому притоку Лены.

Мастером сказки был и сын Натальи Осиповны Кузьма Егорович Винокуров. Он умер в 1957 году, но молва о его сказительском умении живёт и по сей день. К. Е. Винокуров много лет провёл в армии. Сказки он рассказывал от первого лица. Поэтому его племянник Иннокентий Григорьевич Житов – молодой колхозный бригадир – «дядю Кузьму», от которого перенял сказки, делает главным действующим лицом своих сказочных историй: «Как Кузьма шёл с плена», «Дядя Кузьма и барская свинья» и др.

Самой талантливой наследницей прекрасных винокуровских сказок оказалась, несомненно, младшая дочь Винокуровой – Раиса Егоровна Шеметова. Я познакомилась с ней в 1966 году, когда впервые поехала в верхнеленские места, подстрекаемая любопытством и фотографией, сделанной М. К. Азадовским ещё в 1915 году. На фотографии, которая открывает книгу «Сказок Верхнеленского края», Наталья Осиповна Винокурова сидит возле крепко сработанной сибирской избы в окружении «внучат». У неё строгое лицо и устало опущенные на колени руки – руки работницы, матери одиннадцати детей.

Одиннадцати?! Внезапно вспыхнувшая мысль рождает множество предположений: ведь дети должны быть живы. Если не все, то хотя бы кто-то. И они слушали сказки матери. Вдруг да кому-нибудь передался её замечательный дар?!

Тогда я ещё не знала, что старая фотография откроет увлекательную дорогу в прекрасный мир живой народной поэзии, приведёт к интересным людям и встречам.

Раису Егоровну я нашла в Оре, деревушке из шести домов. Когда-то это было большое село, коммуна им. Октябрьской революции, созданная в 1928 г. Коммуна просуществовала года три или пять, а потом распалась, и даже местные забыли её полное название. Деревушку зовут просто Ор.

Голубоглазая и приветливая, Раиса Егоровна вышла навстречу, а потом разглядывала привезённые мной «Сказки Верхнеленского края». Оказывается, у неё не только нет этой книги, но она даже никогда её не видела. А впрочем, если и попало бы в руки Раисы Егоровны издание сказок матери, она все равно не смогла бы их прочитать – неграмотна.

Зато сколько было восторга и далее слез, когда на фотографии Раиса Егоровна узнала Наталью Осиповну (в доме не было ни одной фотографии матери), а во «внучатах» – себя и двух своих сестёр. Значит, подпись под снимком не точна.

О верхнеленской сказочнице Р. Е. Шеметовой уже писалось, и сказки её стали достоянием широкого читателя⁶. Сейчас же её хочется вспомнить в связи с той ролью, которую, несомненно, играет семейная винокуровская традиция в общей системе современного сибирского сказительства.

В с. Толмачево большой популярностью пользуются сказки Агафьи Кузьминичны Шеметовой – племянницы Н. О. Винокуровой. В прикуленгских селах говорят о посказителе Большедворском – родном брате сказочницы.

В селе Челпаново было записано несколько сказок от Алексея Ивановича Пермякова – родственника Винокуровых по женской линии. Раньше Пермяков знал много сказок. Перенял он их от матери – ныне покойной Мавры Даниловны Пермяковой. Эта сказочница пользовалась в своё время популярностью не меньше, чем Винокурова. Воспоминания о ней мы слышали почти в каждом прикуленгском селе: «У бабушки-то Мавры вечера вечерали. Народ к ней наберется – полна изба. И она имям всю ночь сказки мажет».

Там же, на Куленге, услышали мы впервые о Зиновее – так называли одну из дочерей Винокуровой, которая, по словам сельчан, сказки рассказывала «как мать». Но теперь она далеко, живёт в «Якутском»⁷.

Встретиться с Зинаидой Егоровной Пермяковой удалось лишь спустя шесть лет. Дверь открыла высокая и статная, с бирюзовыми, «фамильными», глазами женщина. Не верилось, что Зинаиде Егоровне идёт семидесятый.

Сказительская личность Пермяковой казалась особо значительной: Зинаида Егоровна – восприимчива не только винокуровской традиции, но не менее интересной и другой сказительской школы, которую представляла в родных местах её свекровь – та самая Мавра, у которой люди «вечера вечерали».

Народно-творческая атмосфера, которой были окружены детство, юность и молодые годы Пермяковой, а также весь далёкий прикуленгский быт живо вставали теперь из её воспоминаний, богатых яркими деталями:

«...наша мать в бедности воспитывалась... Приехали сватать мать, а её самой дома нет (она за тридцать вёрст в домработницах жила). Отец материн – дед мой – поехал по её.

– Ну, Натальюшка, собирайся, – говорит. – Я тебя ведь просватал. Живи своей семьёй.

Ну, чо? Натальюшка собралась. Приезжает домой и говорит отцу:

– Вот что, отец: ежели мне жаних понравится, то я из кухни выйду (а раньше – изба больша, а перегородок никаких не было, только куть). А ежели не понравится, вот садись с ним и венчайся, а я не хочу даже рядом с ним стоять.

Ну, и, короче сказать, подходит свадьба. А раньше накануне свадьбы был у невесты вроде как вечер. Приезжал жених там со своей молодёжью, с парням.

Вот и тут приехали, значит.

«А я в куте, – рассказывала мать, – через щёлочку на него смотрю и девкам своим наказывала: вы, девки, смотрите тоже».

А отец-то был у меня красивый. Правда, одет он был не очень. Ну, чо же? Бедность там была! А так ничего, виду хорошего был. Ну, мать и вышла к нему.

Да жили-то как они с нём! В бедности, а жили дружно как! И нас народили столько, что в морошный день не сошшытаешь. (Раньше от души ведь носили-то). И умерли в один год почти».

Детство у Зинаиды Егоровны было трудовым. Девочек не учили: «Девочко чо учить? Ребятам письма писать!» А парней по три зимы проучили.

Всё детство и юность Пермякова провела за прялкой. «Подшло такое время – семья большая, носить нечего, а ни ткать, ни прясть никто не умеет. А у нас тут сродственница ткала. Отец пошёл к ней:

– Возьми девчонку мою, научи.

– Пожалуйста, чо? Пусть приходит.

Давай я бегать к ней. Коров поила, стайки чистила, а в просто время садилась ткала.

Потом отец мне свои кросна сделал, и я давай самостоятельно работать. Всех обрабатывала. И мужчинам брюки, и мешки.

Подросла – сваты то и дело лезли. Я даже на улицу не выходила из-за этого. В избе была печка, а вокруг – гопчики. На этих гопчиках мы спали (коек-то столь где взять?) Сваты приедут – я на гопчики. За этого-то вышла за седьмого уж. И этого-то не знала, а в одной деревне жили».

В двадцатые годы всей семьёй вступили в коммуны. Советскую власть приняли душой. Даже сына Раисы Егоровны, винокуровского внука, родившегося в те годы, назвали – Маркс.

После войны Пермяковы поселились в Якутске. Зинаида Егоровна много ездила, была и в Новосибирске, и Тамбове, и в Сочи, и в Грузии, и в Москве – «возили к Ленину». «К старости стала я счастье пытаться, – говорит Пермякова. – Сейчас надо жить-то».

Особенно интересно вспоминает Зинаида Егоровна те дни своей молодости, когда встречались две сказочницы: Наталья Осиповна и Мавра Даниловна. В то время (а это было уже после замужества Пермяковой) Винокурова жила в Оре. И на праздники приезжала к дочери погостить. Две сказочницы «закидывали» друг друга чудесными историями. Домашние работы у соседней останавливались, и все были в той избе, где в это время

рассказывались сказки. А если тут же случались и другие дети Винокуровой – посказители Кузьма, Раиса и сама Зиновья, то рассказам не было конца.

– Вы, однако, в землю три метра видите, – говорили удивленные «всезнайством» винокуровских детей сельчане.

– Но мы ведь худого не делаем, только сказки сказываем, – отвечали они.

Эти сказки запомнились Зинаиде Егоровне на всю жизнь. И даже спустя много лет Пермякова хорошо их рассказывает.

К сожалению, с переездом в Якутск сказочница потеряла аудиторию. И теперь рассказывала только для меня: «Годами жила, а о сказках и не думала, – сказала как-то Зинаида Егоровна.

– Ты вот копнула – они и зашевелились во мне».

Конечно, это очень грустное признание. И вместе с тем вполне понятное: увы, в городах не говорят сказки.

Они уходят вместе со старым бытом, и даже настоящий сказочник, попадая в новые условия, теряет, так сказать, «квалификацию».

Я ни в коем случае не хочу сказать, что устно-поэтическое творчество связано с отсталым культурным уровнем, но то, что бытование некоторых его жанров возможно при определённом укладе жизни, – это несомненно.

На самом деле, трудно себе представить, чем бы мог быть заполнен досуг жителей многих верхнеленских сел, не будь там сказочника? Вот кратко некоторые бытовые штрихи, характерные на 1967 г. для Ора, Житова, Обхоя и др.

Ор. Около 70 км от райцентра. Автобусное движение в районе появилось лишь в 60-е годы, и то в радиусе 30–40 км от райцентра. К более дальним сёлам, и к Ору в том числе, дорога скверная, местами переходящая в тропу. Передвижение – на телеге, верхом, пешком.

Население старожильческое. По-прежнему большое место отводится охоте, сбору орехов, грибов, ягод. Хлеб стряпают сами. Телевизора нет, электричество с большими перебоями. В ряде сел не было даже клубов. Сказки в таком случае – единственное развлечение и интеллектуальное питание. Недаром в Ор к Р. Е. Шеметовой послушать сказки приходили и из Житова и из Обхоя.

Однако обратимся к сказкам Пермяковой.

Конечно, они прежде всего интересны своей традицией, которая и в образе художественного мышления, и в основных мотивах, и в стилистической манере сказа.

Характеризуя сказки Н. О. Винокуровой, М. К. Азадовский отмечал, что основной интерес сказительницы «направлен, главным образом, в сторону воспроизведения не самого сюжета, но его реально-бытовой и психологической обстановки»⁸. Именно поэтому и в пермяковских, как винокуровских и шеметовских, сказках обращают на себя внимание личные взаимоотношения героев, как правило, добрые, лишённые, за редким исключением⁹, социальных предрассудков. И цари, и солдаты, и простые мужики – относятся друг к другу, как хорошие деревенские соседи. И хотя крестьянская расчётливость в их сказочной жизни тоже имеет место, она обычно справедлива, иногда даже благородна и уж во всяком случае лишена коварства.

Вот как рассуждает Иван-царевич, подслушав мечты трёх сестёр – дочерей полесовщика.

Напомню их разговор:

«– А чо, ежели ты бы вышла за Ивана-царевича? – старшую дочь спрашивают. – Чо же? Каку бы ты ему пользу принесла?»

– Каку пользу? Да я бы всю его армию одной ниткой одела...

Ну, и среднюю сестру спрашивают:

– А ты бы чо, каку пользу сделала?»

– Я бы, – говорит, – одним зёрнышком его армию прокормила.

Дошло дело до малой:

– А ты бы чо ему сделала?»

– А я бы, – говорит, – родила ему три богатыря. Златокудрые! По локоть руки в золоте, по колено ноги в серебре...»

Слушающий их под окном Иван-царевич практически взвешивает обещания: «Это хорошо, и это хорошо, думает, но самое последнее лучше. У меня, батюшки, и без ниточки одета вся армия, и без зёрнышка прокормлена, а богатыри нам нужны».

Таким же образом мыслит и отец Ивана-царевича. Его нимало не смущает, что сын задумал жениться на дочери простого полесовщика, для него важно другое: «...Знаю я того полесовщика. Человек честный». Однако это не мешает ему увидеть и пользу в таком браке, попросту говоря, он не отказался убить трёх зайцев сразу: «Это наше счастье: малу возьмёшь – она богатырей родит. А те тоже наши будут: родня ведь. И одевать, и кормить станут...»

Примерно так же рассуждают царевичи (братья задумавшего жениться на дочери полесовщика) и у Винокуровой: «Так ты, братец, вазьми старшую сестру¹⁰, а у нас и без ихой нитки вайска аденутца, и без ихого зёрнышка пропитаютца». Правда, поначалу царь-отец не в восторге от выбора сына («над нами куры смеятца будут, у полесовщика дочь будем брать»). Однако вскоре «пондравилась она всемя: и свекру и свекрови – просто у души лежит» (стр. 13).

И пермяковский, и винокуровский царевичи нежно заботятся о своих жёнах: «Мотрите, штоб она не заскучала, не ушиблась где. Берегите ие», – наказывает царевич близким, уезжая. (Винокурова, стр. 13).

«Он наказал, конечно, отцу-матери, что берегите, мол, её, чтоб не упала где, не ушиблась...» (Пермякова).

Интересом к психологии героев объясняется и тот моральный акцент, который весьма ощутим во всей винокуровской сказительской школе. В этом смысле любопытно сопоставление небольших фрагментов из односюжетных вариантов у трёх сказочниц. Речь идёт о сказке «Иван-царевич и Серый волк»¹¹.

Как помнит читатель, Иван-царевич нарушает приказ волка – не трогать золотой клетки, когда будет жар-птицу воровать, – и попадает в руки стражи. Ведут Ивана-царевича на допрос к царю.

У Винокуровой:

«– Чей ты, откуль?»

– Я – Иван-царевич!

Ай, ай канфуз какой! Царской сын да пашол варовать. Каким глупостям заниматца... А топеря я по всем городам и Масквам прапушшу нехороший звук об вас». (стр. 88).

У Шеметовой:

«– Чей ты, откуда?»

Вот я из такого-то городу, вот такого-то, такого-то царя сын.

– Енислава Андреевича, значит? Ой, да он ведь мой друг. Енислав-то Андреич. А вы это что? Вы это воровать пустились? Да как вам не совестно! Вы бы пришли, я бы вам так её отдал...»

У Пермяковой:

«– Дак что же ты, откуда и какой, добрый молодец?»

– А ваша жар-птица хитила у отца яблоки в таком-то царстве. Весь сад у отца похитила. И мы принуждены были её поймать...

– Дак это чо же такое? Воровать, значит, вы пошли, царские сыновья?!

– А мы, царь-батюшка, не воровать, а за своё добро брать...»

Как видно из приведённых примеров, сказочный эпизод похищения Иваном-царевичем жар-птицы становится для всех трёх сказочниц фактором моральным, к которому они спешат выразить своё отношение. У Винокуровой и Шеметовой возникает мотив нечистой совести: «Ай, ай, канфуз какой» (Винокурова); «Да как вам не совестно!» (Шеметова). Пермякова тоже не проходит мимо «воровства» героя, хотя явно полемизирует с матерью и сестрой: «Не воровать, а за своё добро брать».

Остановимся ещё на одном примере из этой же сказки – первой встрече Ивана-царевича с Серым волком. Собственно, во всех известных вариантах происходит одно и то же. Герой

видит надпись: «По одной дороге поедешь – сам неживой будешь, по другой поедешь – будешь в холоде и голоде, по третьей – лошадь будет убита». Иван-царевич всегда выбирает ту дорогу, на которой суждено ему потерять коня.

Приведенный эпизод проходной. Сказочнику важно констатировать факт утраты лошади и приобретения волка в качестве чудесного помощника, что большинство сказочников и делают.

Так в афанасьевском сборнике читаем: «Ох ты, гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! Ведь ты читал, на столбе написано, что конь твой будет мёртв; так зачем сюда едешь?» Волк вымолвил эти слова, разорвал коня Ивана-царевича надвое и пошёл прочь в сторону¹².

Ещё более лаконично звучит аналогичный момент в повествовании известного сибирского сказочника Магай: «...как словно из земли вырос серый волк и выхватил из-под Ивана-царевича богатырского коня, убежал, как словно в землю провалился»¹³.

Примерно так же выглядят подобные места и большинства других известных вариантов.

Однако в сказках винокуровской школы даже такой незначительный момент привлекает внимание сказочниц с точки зрения добропорядочности героя, умения держать слово, отвечать за свои поступки:

Едет Иван-царевич по средней дороге. «Ниоткуда взелся, волк бежит. – «Ну, Иван-царевич, слезай с добраво сваёва коня, нечево пенять – ведь ты надпись видел – читал». И при глазах же ево растерзал серый волк коня на мелкия части». А потом и говорит: «Так как я тваёво коня растерзал, то буду служить тебе верой и правдой». (Винокурова стр. 87).

У Шеметовой:

«...ехал Иван-царевич. Выскакивает серый волк, хвост длинный. Иван-царевич соскакиват с коня, подаёт ему.

– Вот, серый добрый волк, вам лошадь.

– Ах, Иван-царевич, какие вы хорошие! Я у всех коней с боем брал, а... вы мне с такой благодарностью коня подали. Ну, и я вам помогу».

У Пермяковой:

«...поехал. Видит – из лесу выходит волк. Иван-царевич соскаковат с лошади и подаёт серому волку. А волк и говорит человеческим голосом:

– А как же вы мне отдаёте лошадь, а как же вы сами?

– А я сам выбрал уж. Сам дорогу выбрал. Я же там видел надпись и выбрал дорогу сам. И вот вам отдаю лошадь. А сам пойду пешком...

Но, добрый молодец, Иван-царевич, молодец! Слово сдержал! А теперь садись на меня и держись крепче...»

Таким образом, опять у Пермяковой мотив ответственности за содеянное звучит определённое: «...я сам выбрал», – говорит Иван-царевич. И волк хвалит его за это: «...Молодец! Слово сдержал!»

Так же, как Винокурова и Шеметова, Пермякова пренебрегает фантастическими подробностями. Сказочному повтору или развёрнутому фантастическому эпизоду она предпочитает семейно-традиционное «короче сказать». Так же по-винокуровски комкает она и эпилог. Например, вместо целой истории знакомства и сватовства мальчика с дочерью Марки Богатого даётся несколько обрывистых фраз: «А у этого Марки Богатого была дочь... И вдруг она поехала учиться в какой-то институт, туда, куда и парня этого послали. Там он с дочерью его и познакомился, с Марки Богатом-то. И вот они поженились, и всё счастье-то и досталось этому мальчишке. А Марко-то Богатый так и не узнал в нём того мальчишку. Всё равно, думал, я его свержил, счастье моё не досталось ему, а всё дочери досталось. А у дочери всё равно этот же жених».

Зато очень подробно описывает Зинаида Егоровна детали быта, даёт справки житейского характера. Читатель ясно видит даже пространственное расположение героев в сказке. Например, того «старичонку», который «пристроился» у порога на линеечке. «Вот, например, он лёг здесь, – разъясняет Пермякова, – а этот купец через стенку. А заборочка тоненькая – рядышком, значит». (О Марко Богатом.)

В этой же сказке она подробно выясняет социальный облик проезжего: «...тут проезжал какой-то не то учёный, не то богатый купец ли. Учёные-то не богаты шибко-то ведь? Правда? Значит, богатый купец. Это раньше богатые на почёте были. А теперь на почёте – грамотные».

Подобные ассоциации с современной действительностью Пермяковой свойственны. Так, в сказке «Счастье» два юноши приезжают в старый родительский дом инкогнито: «призакрыли все нашивки царские. Приехали так же вот, как писатели или вот как вы к нам: вот, мол, расскажите чо-нибудь старое... Нам, мол, надо все знать старое. Нет ли у вас какого посказителя, мол?»

Основа художественного метода Пермяковой лежит в осмыслении сказочных событий через хорошо известные бытовые ситуации. Особенно это удаётся ей в обрисовке повседневных личных отношений героев. Продолжательница винокуровской сказочной традиции, Зинаида Егоровна в изображении душевных переживаний иногда поднимается выше своей матери.

Вернёмся опять к сказке «Иван-царевич», к взаимоотношениям Ивана-царевича и его жены, которая обещала ему родить трёх богатырей.

Завистливая «волшебна» подменяет только что родившегося богатыря щенком, а младенца «отправляют с экспедитором по подзорной трубе».

Кстати, Зинаида Егоровна объяснить это странное выражение не могла. И на мой недоуменный вопрос ответила: «А раньше все куда-то по подзорной трубе отправляли». Замечу сразу, что приведённое выражение, по-видимому, лишь дань традиции. Такую же странную фразу встречаем и у Винокуровой: «...бабушка эта – злая ересница... взяла богатырёнка, который родился, и по подзорной трубе куда-то отправила в погреб». (стр. 13)

Итак, «волшебка» сделала своё чёрное дело, усыпив царицу зельем. Царица «болеет, переживает, очень похудела за это переживанье, измучилась... Сколь там времени прошло? Царю опять нужно ехать на целый год в командировку (вот она не может никак при ём рожать-то!). Вот он опять наказал: не измывайтесь, не галитесь над ней, кто родится, того и растите, а её не обижайте».

Но опять такой же исход. И вот «молодая жена уж совсем не хочет жить. Я, мол, сделаю чо-нибудь над собой. Но отец с матерью караулят её. А она уж истощала совсем от переживанья: что такое – хотела богатырей родить, а вот что делается.

Приезжает муж. Она плачет, что, мол, я уйду от тебя.

– Опозорила я всё царство ваше. Хотела счастья вам, а получается, сама не знаю как...»

Такое глубокое проникновение в психологию героев во многом выходит за общепринятые формы фольклорной обрисовки образов.

Вместе с тем здесь, как и в ряде других случаев, нельзя не заметить той теплоты, винокуровской «деликатности» отношений, которые характерны опять-таки для всей их семейной сказительской школы.

Не могу не сослаться в связи с этим на небольшую диалогическую сцену из сказки «Жена-оборотень».

Молодая девушка приходит к мяснику покупать мясо и видит собаку.

«– Ой, какая прелестная у вас собачка!.. Вы мне продайте её.

– Что вы, что вы! Я мясом торгую и вдруг собакам торговать буду! Да и самому мне прелестна такая хорошая собачка!

– Прошу вас, вы мне её продайте!

– Да вы что это, вы что это?! А вдруг кто найдётся хозяин! Как я её продам? Уж возьмите в крайности так её. Пусть она у вас живёт, если уж так вы хотите».

И ещё: корабельщики рассказывают царю про чудо дворец, который видели они на острове: «Простите нас только за н е с к р о м н о с т ь, он лучше вашего!»

На этом пока закончим заметки о наиболее общих особенностях сказок Пермяковой, к которым, как и ко всей сказительской винокуровской школе, вернёмся в специальном исследовании.

Заметим только, что З. Е. Пермякова – последняя из живых детей Н. О. Винокуровой, владеющая сказительским даром. «Последняя из могикан», как мысленно окрестила я её во время нашего свидания.

Сейчас З. Е. Пермякова живёт в большой дружной семье дочери в г. Якутске. А сказки её? Они перед вами.

¹ Марк Азадовский. Сказки Верхнеленского края. Цит. изд., стр. 7.

² По данным переписи 1897 г., городского населения в Сибири насчитывалось менее 10%. (Народы Сибири. Этнографические очерки. Под общей ред. чл. корр. АН СССР С. П. Толстого. АН СССР, М.-Л., 1956, стр. 145.

³ С. Елпатьевский. В Сибири. Новосибирск, 1938, стр. 11.

⁴ Азиатская Россия, т. 1. Люди и порядки за Уралом. Изд. Переселенческого управления землеустройства и земледелия. Спб., 1914, стр. 187–188.

⁵ Марк Азадовский. Сказки Верхнеленского края. Цит. изд., стр. 11.

⁶ Елена Шастина. Сказки Ленских берегов. Цит. изд., стр. 60–110, она же. Верхнеленская сказочная традиция (по записям 1966–1968 гг.). Славянский фольклор. М., 1972, стр. 181–201.

⁷ «Якутский» – имеется в виду Якутск. На Лене, как правило, не говорят: Иркутск, Якутск, Братск, а Братский, Якутский, Иркутский, что идёт, по-видимому, от давней традиции, получившей начало ещё во времена первых землепроходцев, которые ставили не города, а остроги: Иркутский, Братский и др.

⁸ Марк Азадовский. Сказки Верхнеленского края. Цит. изд., стр. 22.

⁹ Имеются в виду некоторые сказки К. Е. Винокурова, в частности, «Как солдат захотел царскую личность посмотреть» (запись М. М. Власенко), в которых солдат выступает антиподом царя, в отличие от односюжетного рассказа Р. Е. Шеметовой. Основой классового небезразличия Винокурова представляются причины социальные: Винокуров много лет провёл в армии и там, вероятно, воспринял традицию старосолдатской сказки, в которой солдат всегда являлся антагонистом сословной знати.

¹⁰ Здесь Винокурова отступает от традиции.

¹¹ «Указатель», дополн. Проппом, № 550.

¹² Русские народные сказки А. Н. Афанасьева в 3-х томах, Т. I. М., 1957, стр. 417.

¹³ Сказки и предания Магая. Улан-Удэ, 1968, стр. 147.